

Кожевникова Тамара Леонидовна, Тоичкина Лариса Яковлевна

ПРИЧУДЫ МЕНТАЛИТЕТА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/28.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 75-76. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 82.03

Тамара Леонидовна Кожевникова, Лариса Яковлевна Тоичкина
Кубанский государственный университет

ПРИЧУДЫ МЕНТАЛИТЕТА©

В рамках проекта, предложенного кафедре немецкой филологии факультета РГФ Кубанского госуниверситета профессором из г. Карлсруэ Г.-К. Найхаусом, мы занимаемся переводом на немецкий язык коротких рассказов, созданных российскими писателями за период с 1945 по 2005 годы.

Поскольку целью данного проекта является ознакомление немецких читателей с менталитетом русского народа, представленным в таких рассказах, нам пришлось обратиться к понятию «менталитет», необходимому как для правильного выбора объекта перевода, так и для анализа интересующих нас явлений в пределах соответствующих текстов.

Другой задачей явилась для нас, естественно, адекватная передача на немецкий язык выявленных нами в текстах оригинала релевантных для нашего анализа языковых фактов.

Остановимся сначала на понятии «менталитет», которое широко используется в современной научной литературе вообще, в том числе и в лингвистике.

В некоторых немецких источниках менталитет дефинируется как совокупность содержания и способов мышления и восприятия, присущих определённому коллективу в определённое время [3, S. 26; цит. по: 4, S. 3].

В других источниках находим указание на менталитет как явление, определяющее отношение к действительности и коллективное или индивидуальное поведение, характерное не только для социальной группы, но и для отдельного индивидуума [2, S. 493].

В данной работе менталитет понимается как совокупность взглядов на окружающий мир, возникших в процессе исторического развития у всего общества, какой-либо его части или отдельной личности под влиянием географических, экономических, политических и других условий существования.

Менталитет проявляется как в жизни, так и в литературе, являющейся своеобразным зеркалом менталитетов [4, S. 3].

В коротких рассказах такое зеркало представлено, на наш взгляд, особенно наглядно, что можно проследить, например, в рассказе Л. Пантелеева «Всепоглощающая любовь», где красной нитью проходит противопоставление двух сторон одной личности.

С одной стороны, герой рассказа много и увлечённо говорит о любви к своей четырёхлетней внучке.

Не исключено, что наш герой, действительно, искренне любит свою Зиночку, ведь с его лица не сходит нежнейшая улыбка, когда он со слезами радости на глазах говорит о ней.

Однако заявленная в названии рассказа всепоглощающая любовь - *allververschlingende Liebe* может пониматься одновременно как в метафорическом, так и в прямом смысле и оказывается на деле обращённой к самому себе. Дело в том, что на протяжении всего повествования герой поглощает множество напитков и закусок.

Перечень напитков впечатляет: *пивко, рябиновка, коньячок, сорокаградусная московская, столичная*. Не менее внушительен и список закусок: *бутерброды с кильками и шпротами, с сардинами, с сёмгой, с икрой и паюсной икрой*.

Ещё более впечатляет, конечно, описание поведения героя во время поглощения им всего этого дорогого разнообразия: *«Счастливыми глазами старик долго и мечтательно рассматривает, подняв на свет хрустально-прозрачную влагу, зеленеющую в гранёном стакане, потом, как бы решившись, быстро вливает её в себя, с удовольствием морщится, хмурится, покрывает и, пожевав бутерброд с паюсной икрой, говорит: ...»* [1, с. 283]. Подобная манера поведения при выпивке знакома, вероятно, многим и может быть определена как типичная для людей, получающих наслаждение от алкогольных напитков.

У читателя возникает впечатление, что герой испытывает радость, предвкушая, с одной стороны, встречу с любимой внучкой, а с другой стороны, - удовольствие от выпивки. В этом проявляется одна из граней менталитета довольно распространённой социальной группы.

Другая грань менталитета героя открывается во время его попытки купить «гостинчик» для своей «Зиночки». При этом он весьма придирчиво выбирает лакомство, оно ему нравится («Эффектная вещь!»).

Но тут оказывается, что 4 рубля 50 копеек за выбранное им большое, «как берцовая кость» пирожное эклер слишком дорого для него, человека, который «ничтоже сумняшеся» многократно покупает для себя дорогие напитки и закуски, «...берёт ... очередные сто граммов столичной и бутерброд с сардинами, уплывает, не моргнув, что-то около червонца...».

Как отмечается в конце рассказа, подобная «двойная бухгалтерия» характерна для многих любителей выпить. В этом проявляются особенности их менталитета.

Рассмотрим теперь возможности перевода на немецкий язык единиц, отражающих менталитет героя.

«*Радость моя! Пупырышка моя!*» - так ласково называет он свою внучку. Выражение «*Радость моя*» заменяем в переводе на типично немецкое «*Mein Schätzchen*».

«*Пупырышка*», это на наш взгляд, неожиданное и оригинальное обращение к ребёнку, переводим немецким «*Fröschlein mein*», поскольку в обоих словах (*пупырышка* и *Fröschlein*) ведущей является сема «маленький, крошечный». Для русского читателя такое обращение (*Fröschlein* = *лягушонок*) было бы весьма неожиданным, поскольку с лягушкой связано что-то холодное и неприятное. Однако ранее в одном немецком тексте нам уже встречалось слово *Frosch* в качестве имени, придуманного юной девушкой для крохотного котёнка. Поэтому, как нам кажется, *Fröschlein mein* способно адекватно передать умиление героя.

Перевод лексических единиц, называющих вкусовые пристрастия героя, не представляет никаких трудностей, за исключением уменьшительных форм: *пивко, водочка, коньячок*. Данные формы отражают отношение героя к этим напиткам и, соответственно, его менталитет. Мы не можем передать их иначе, кроме как немецкими *ein Bierchen, ein Gläschen Wodka, ein Gläschen Kognak*. В двух последних случаях нам приходится вводить дополнительное слово *Gläschen*.

При передаче названий яств мы не встретили переводческих трудностей и нашли, как нам кажется, полные эквиваленты в немецком языке.

Фразу «*Эффектная вещь!*» мы посчитали возможным перевести как «*Tolles Ding!*», поскольку *toll* предполагает очень высокую степень положительной оценки.

Нам кажется, что выражение «*ничтоже сумняшеся*» утрачивает в переводе - *ohne mit der Wimper zu zucken* - свою насмешливую окраску. Более подходящего эквивалента мы, однако, не нашли.

Отмеченные две грани менталитета героя причудливо переплетаются в его поступках и в его отношении к людям и вещам. При этом в большинстве случаев перевод соответствующих русских единиц данного рассказа на немецкий язык не составил значительных трудностей.

Список литературы

1. **Пантелеев Л.** Собрание сочинений: в 4-х т. Л., 1972. Т. 3.
2. **Die Zeit:** das Lexikon in 20 Bänden. Hamburg-Mannheim, 2005. Bd. 09.
3. **Dinzelbacher P.** Zur Theorie und Praxis der Mentalitätsgeschichte // Ders. (Hrsg.). Europäische Mentalitätsgeschichte. Stuttgart, 1993.
4. **Nayhauss H.-Chr. Graf von.** Deutsche und fremdkulturelle Gegenwartsliteratur. Omsk-Karlsruhe, 2000.

УДК 81'42

Ольга Александровна Крапивкина

Иркутский государственный лингвистический университет

К ПРОБЛЕМЕ ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА©

Вопрос об исчезновении субъекта из дискурса впервые был поставлен в рамках философского направления XX века - постмодернизма, основные теоретические постулаты которого связаны с критикой и переосмыслением классических представлений о субъекте и субъективности.

В своей работе «Что такое автор?» М. Фуко начинает формулировку данной темы с цитаты Беккета: «Какая разница, кто говорит, - сказал кто-то, - какая разница, кто говорит» [8, с. 15]. В этом безразличии и проявляется устоявшийся тезис о том, что, начиная с XX века, субъект дискурса исчезает.

С точки зрения постмодернизма, само использование термина "субъект" - не более чем дань классической философской традиции: как пишет Фуко, так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта» [Там же, с. 7].

Трактовка «смерти субъекта» воплощается не только в стирании всех его индивидуальных характеристик, и представляет собой полное освобождение текста от власти автора и полное освобождение автора от ответственности за свое произведение; но фактически является особым приемом самоустранения, самоликвидации, который используется самим же автором в целях создания собственного имиджа и закрепления значимости своего имени.

По выражению Р. Барта, который специфицировал термин «смерть субъекта» применительно к тексту, «что касается Текста, то в нем нет записи об Отцовстве» [2, с. 388]. Барт подчеркивает, что с удалением автора преобразуется весь современный текст, который теперь создается и читается так, что автор на всех его уровнях устраняется. По мнению Барта, первые попытки устранения автора были связаны с лингвистическим поворотом, произошедшем в философии в начале XX века, и необходимостью поставить безличное безымянный язык на место говорящего.